

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

Михаилу Григорьевичу Воронкову в следующем году исполнится 90 лет. Более 50 из них он отдал своей любимой науке — химии, и продолжает плодотворно работать, оставаясь гордостью отечественной науки. По цитируемости в мировой литературе Михаил Григорьевич занимает первое место среди всех российских ученых-химиков. За 2008—2009 гг. показатель его результатов научной деятельности составил 424,7.

Трудно поверить, что М.Г. Воронков уже четверть века полностью лишён зрения! Его память, как самый современный компьютер, хранит не только множество дат, событий, содержание специальных статей, но и сложнейшие химические формулы.

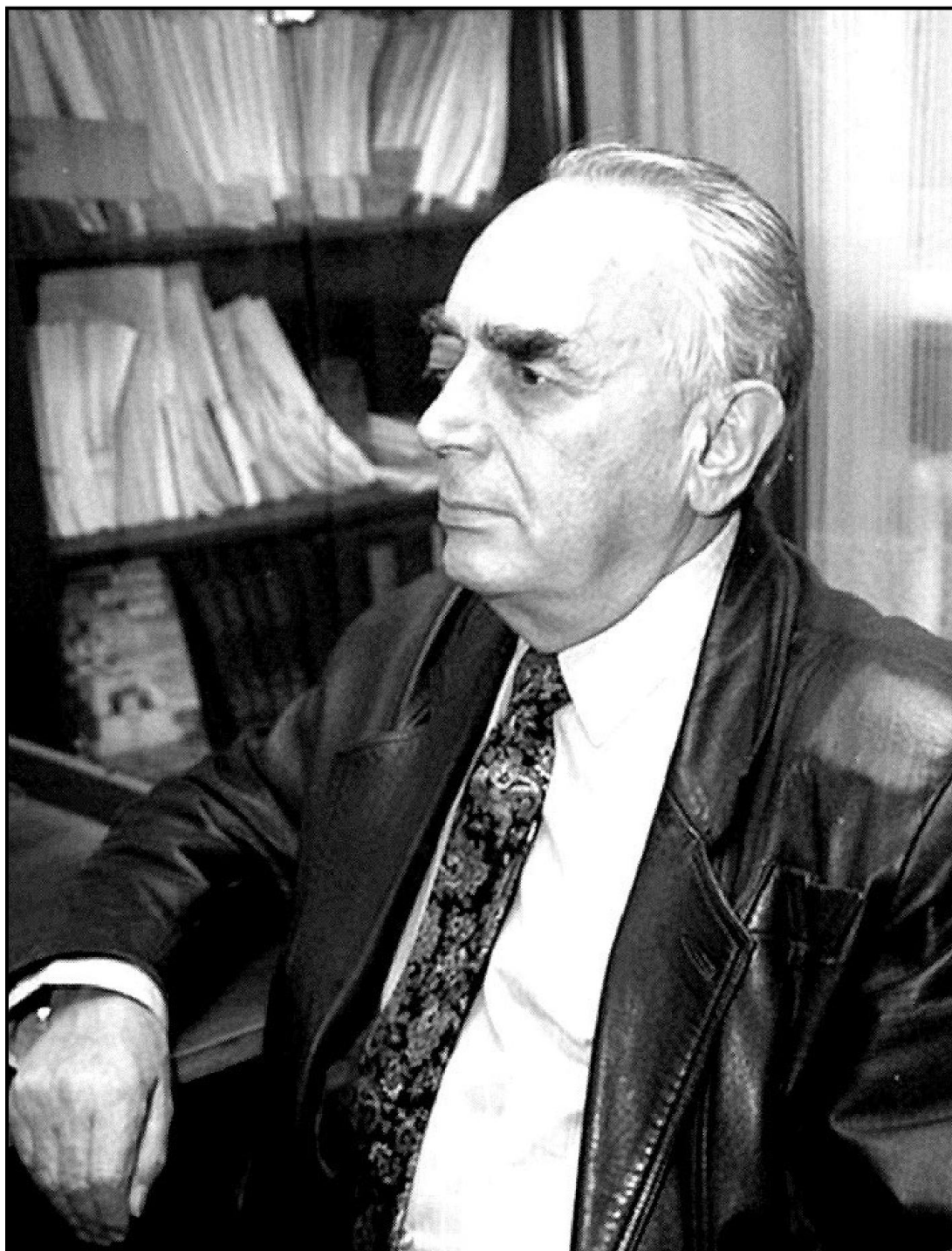
Михаил Григорьевич — автор почти 3000 научных статей, 55 монографий (15 из них изданы в переводе в США, Англии, Германии, Японии, Израиле, Румынии и Польше), а также имеет 500 авторских свидетельств на изобретения и более 50 патентов. Им открыто множество новых химических реакций и соединений, создана новая область в химической науке — биокремнийорганическая химия. Эти исследования привели к открытию веществ с уникальным действием на живые организмы. И специалисты назвали это величайшим открытием XX века, сравнимым с первым полетом в космос.

М.Г. Воронков — действительный член не только Российской академии наук, но и академий наук и научных сообществ других стран — Латвии, Польши, Германии, Франции, Монголии, Азиатско-Тихоокеанской Ассоциации. Он лауреат Государственной премии Украинской ССР, премии Совета Министров СССР, Государственной премии Российской Федерации, премии им. А.Н. Несмеянова РАН, премии Международной академической издательской компании, премии им. Д.И. Менделеева; Фондом научного партнерства InterBioScreen награжден медалью А.Н. Коста за выдающийся вклад в мировую науку.

А еще Михаил Григорьевич — Почетный гражданин Иркутской области, Почетный член Флоридского института гетероциклической химии (США), Почетный профессор Улан-Баторского университета, в 1991 г. он включен в книгу «Выдающиеся химики мира», а Кембриджским международным биографическим центром — в справочник «Leading Scientists of the World», номинирован Американским биографическим институтом как «Man of the Year 2006».

И еще была в жизни знаменитого ученого очень памятная страница. Когда началась Великая Отечественная война, ему было 20 лет, он был студентом

Ленинградского университета и, конечно, сразу же добровольцем встал в строй защитников родного города. Он не успел совершить каких-то великих военных подвигов, даже не успел особо отличиться, поскольку был тяжело ранен. Но вся его жизнь — подвижничество служение науке, принесшее славу Отечеству, достойное преодоление тяжелейшей отметины войны. Это настоящий подвиг, достойный самого высокого признания. Предлагаем вашему вниманию воспоминания М.Г. Воронкова о начале войны, которые он специально прислал для нашей газеты.

Конец мая и начало июня 1941 года были самыми счастливыми днями моей молодой жизни. Я успешно окончил III курс химического факультета Ленинградского государственного университета (оставалось сдать лишь один экзамен) и мог полностью отдаться трем своим увлечениям (слово хобби тогда еще не употреблялось). Первым из них был спорт: легкая атлетика, борьба самбо и лыжи. Я был председателем спортклуба ЛГУ и легкоатлетической секции. В конце мая 1941 года успешно выступил на открытии легкоатлетического сезона, заняв призовые места в беге на 100 и 400 м, показав при этом результаты первого разряда. 6 июня я также хорошо выступил на первенстве Ленинграда по борьбе самбо для мастеров спорта и перворазрядников и занял второе место в своей весовой категории. При этом мне удалось победить чемпиона Ленинграда по классической борьбе С. Столярова (о чем даже было написано в газете «Красный спорт»). В моем активе оказалось 5 побед над мастерами спорта СССР, что дало мне право получить это высокое звание.

Вторым моим увлечением была не входившая в учебную программу экспериментальная работа в области органической химии на кафедре, руководимой профессором Б.Н. Долговым. Наконец, меня ошастливил бурный роман с моей однокурсницей Валей.

14 июня ТАСС сообщило о том, что появившиеся слухи, будто Германия собирается напасть на СССР, ложны и составлены пропагандой сил, заинтересованных в дальнейшем расширении мировой войны и вовлечении в нее Советского Союза. Однако уже на следующий день военным кругам стало известно, что «на границе немецкие войска убирают все инженерные сооружения, а также укладывают снаряды и бомбы прямо на грунт, не рассчитывая на долгое их хранение. Нападения немцев следует ожидать с минуты на минуту». Но нас успокоил приказ товарища Сталина о том, что это провокация, на которую не следует отвечать под угрозой расстрела. В настоящее время этому распоряжению «великого и мудрого вождя» приходится только удивляться.

Выше я сообщил всё, что сохранилось в моей памяти в предвоенные дни 1941 года из сообщений радио и газет — к сожалению, в то время они подвергались жесткой цензуре, поэтому имевшаяся у меня информация была далеко не полной. Чтобы ликвидировать этот пробел и представить объективную картину предвоенного периода в жизни нашего Отечества, мне пришлось привлечь некоторые данные из весьма информативной статьи Виктора Манжеева «Сталин провоцировал Гитлера начать первым. Накануне 22 июня 1941 года» в «Новой газете» от 18.02.2010 г. Она подытожила опубликованные на стыке веков многочисленные ранее засекреченные или забытые сведения о событиях, предшествующих началу войны. Некоторые наиболее впечатляющие факты из этой прекрасной статьи, которую настоятельно рекомендую читателю, я осмелился упомянуть или даже процитировать.

Из сообщений действующей советской разведки в Германии, Чехословакии, Франции и даже Японии (Рихард Зорге) Сталину было хорошо известно о готовящемся нападении гитлеровской Германии на Советский Союз — плане «Барбаросса».

Более того, 10 июня 1941 года советскому послу в Англии было передано личное послание Черчилля, в котором указывались сведения о немецких войсках, готовившихся к нападению на СССР, вплоть до номеров полков и дивизий.

17 июня советская разведка получила сообщение, что удар немецких войск можно ожидать в любую минуту, а уже 19 июня — что нападение Германии на СССР произойдет 22 июня в 3 часа утра. Наконец, 21 июня агент советской разведки сообщил, что нападение Германии на СССР произойдет 22 июня в 3—4 часа утра.

Еще в начале июня 1941 года Жуков телеграфировал командованию 4 армии Западного фронта, что «в известных участках будут пролетать немецкие эскадрильи», и запретил их обстреливать. Нарушение этого приказа грозило очень тяжелыми последствиями.

Всегда недоверчивый и подозрительный Сталин не хотел верить многочисленным сообщениям разведки, так как они противоречили его планам. Он категорически запретил под угрозой расстрела отвечать на провокацию и любое выдвижение войск без его личного разрешения. В соответствии с этим Жуков приказал запретить полеты нашей авиации в 10-километровой приграничной полосе. Тем не менее, нарком Тимошенко и генерал Жуков вновь предложили Сталину привести войска на западной границе в боевую готовность. На это он резко ответил, что подобные действия могут вызвать войну.

В конце 60-х гг. прошлого столетия мне удалось близко познакомиться и подружиться с двумя советскими разведчицами, сестрами Лизой и Таней. В довоенные годы это были бойкие, веселые и красивые комсомолки из Старой Руссы. Органам нашей разведки удалось их завербовать и выдать замуж за французского и немецкого коммунистов, подвизавшихся тогда в Коминтерне, которые вывезли их в свои страны. Одна из сестер стала Элизабет Маньян, любимой женой будущего редактора газеты «Юманите», другая — Татианой Грегор, очаровавшей будущего министра экономики ГДР. Вот они-то и сообщили на родину не только о плане Барбаросса, но и о точной дате нападения гитлеровской Германии на Советский Союз (их данные, несомненно, были переданы Сталину). Я неоднократно встречался с этими замечательными женщинами в Берлине и Париже. В начале 70-х гг. они нанесли мне ответный визит в Иркутск, где я тогда возглавлял Институт органической химии СО АН СССР. Мною был организован для них прекрасный и незабываемый (по их словам) отдых в палатках на диком берегу Байкала. Вот тогда-то они и поведали мне по секрету об их подвиге.

Впрочем, сообщения радио и печати о сложившейся в июне ситуации мало кого взволновали, так как наш народ был уверен в мощи и непобедимости Красной Армии, Военно-морского флота и нашей выдающейся военной авиации. В 1941 году население СССР окончательно убедил в этом кинофильм «Если завтра война», рефреном которого звучали песенные слова: «И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, жестоким ударом». Об этом говорили и выступления Сталина, Молотова, Ворошилова: «Будем бить врага на его территории». В мою память глубоко врезались слова многих песен, которые мы распевали, например: «В целом мире нету силы, чтобы нашу страну сокрушила. С нами Сталин родной, и железной рукой нас к победе ведет Ворошилов», или «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведет», или «Корабли наши лучшие в мире — в бой последний ударят по врагу», или «Знайте, враги, на удар мы ответим так, чтобы вам никогда не забыть. Не было, нет и не будет на свете силы такой, чтобы нас победить». Число таких примеров можно значительно увеличить. Незадолго до начала войны я прочитал произведение Николая Шпанова «Первый удар», в котором описывалось, как наши летчики молниеносно нанесли первый бомбовый удар по столице прорывавшегося к нам противника.

В яркий солнечный день 21 июня 1941 года я отправился в Саблино на биологическую станцию ЛГУ. На ее базе был проведен университетский кросс на дистанцию 1000 м, после которого намечалась дружеская встреча легкоатлетов университета. В обоих этих мероприятиях я, разумеется, участвовал и радовался своей победе в забеге сильнейших бегунов ЛГУ (именовавших себя «университетской конюшней»). Я разделил первое место со своим лучшим другом (увы, его жизнь оказалась очень короткой) Валентином Крюковым. Мы финишировали с ним, как говорится «грудь в грудь» с хорошим в те поры временем 2 мин. 47 сек. Далее следовало обычное студенческое веселье. В разгар белой ночи мы решили прогуляться, чтобы не спеша попасть на первый поезд в Ленинград. Я до сих пор помню, как с красивой блондинкой Диной (чемпионкой ЛГУ по прыжкам в высоту) остановились на берегу реки Саблинка и, обнявшись, любовались восходящим солнцем. Мысленно я повторял слова Маяковского: «Жизнь прекрасна и удивительна». А в это время немцы уже бомбили Киев. На поезд мы, впрочем, не опоздали и благополучно всей компанией добрались до Ленинграда. Я и Валя Крюков жили на Петроградской стороне, но попасть туда было затруднительно, так как Кировский мост был разведен.

На заблудшем трамвае мы доехали до Финляндского вокзала, откуда добежали домой. Счастливый и усталый завалился спать. В полдень сквозь сон услышал голос Вали Крюкова: «Мишка, вставай, война!». Сразу вскочив, я воскликнул: «Вот здорово, политэкономии не надо будет сдавать!» Минут через десять, мы уже бежали в военкомат добровольно вступить в ряды Красной Армии. По дороге Валя мне рассказал о выступлении В.М. Молотова, оповестившем советский народ о коварном нападении германской армии на СССР. У

военкомата уже образовалась большая очередь таких же, как и мы, добровольцев. Они активно обсуждали, почему о начавшейся войне сообщил Молотов, а не товарищ Сталин. Этот вопрос волновал и меня. Когда подошел наш черед, принимавший заявления майор сказал: «Вы студенты университета и отправляйтесь в ваш партком». Там мы узнали, что формируется студенческий саперный батальон, и сразу в него записались. На следующий день в газете «Ленинградский университет» появилось обращение членов легкоатлетической секции ЛГУ, председателем которой я был, подписанное 11 спортсменами, начиная с меня. В нем мы клялись отдать все силы защите Родины от коварного врага. И все авторы, кроме меня, пали на поле боя смертью храбрых...

С первого дня войны тов. Сталин ушел в глубокое подполье и ни с кем не общался чуть ли не целую неделю. Очевидно, он был в тяжелом шоке от вероломного нарушения пакта Молотова—Риббентропа, согласно которому он дружелюбно разделил с Гитлером значительную часть Европы. Лишь в конце прошлого века появились публикации, комментирующие самоотстранение тов. Сталина от обороны страны и всех государственных дел. В них сообщалось, что на пятый день после начала войны в убежище Сталина прорвалась делегация, состоящая в основном из членов Политбюро. Увидев их, Сталин явно испугался, так как был уверен, что они пришли его снимать с поста генсека. Первым обратился к нему Молотов: «В сложившейся тревожной обстановке нам надо организовать и избрать главнокомандующего». Сталин спросил: «Кто будет главнокомандующим?» «Вы, товарищ Сталин!» — ответил Молотов. Иосиф Виссарионович оживился, испуг исчез с его лица, и он немедленно взял бразды правления в свои руки.

Через пару дней после выступления Молотова из репродукторов вырвались вдохновляющие звуки и слова призывной песни «Клятва наркому» в исполнении красноармейского ансамбля Александрова. Ее слова врезались в мою память. Вот они:

«Великий день настал,
И встали миллионы
На беспощадный бой за Родину свою.
Клянемся как один наркому обороны
Наш лозунг победить иль умереть в бою.
Клянемся устоять и мужество утроить...»

Я так и не понял, кому надо было клясться — наркому Тимошенко или первому маршалу Ворошилову.

Наверное, товарищ Сталин услышал эту песню по радио, и она тут же была запрещена, так как клясться нужно было не наркому, а ему — главнокомандующему. И до сих пор эту песню никто не вспоминает.

На смену ей вскоре пришла другая призывная песня:

«Вставай, страна огромная,

Вставай на смертный бой

С фашистской силою темною,

С проклятою ордой».

С тех пор она ежегодно волнующе звучит в День Победы.

В конце июня сформированный и укомплектованный студенческий саперный батальон ЛГУ был доставлен поездом до Белоострова, не так давно бывшего поселком на границе с Финляндией, доступ в который был запрещен. У полуразрушенного вокзала нас построили и отправили маршем в район деревни Агалатово. Наш лагерь был дислоцирован в близлежащем лесу, где нас уже ожидали армейские палатки, походная кухня и множество лопат. Батальоном командовал лейтенант-сапер, который перед строем разъяснил нашу боевую задачу: «Здесь необходимо в кратчайшие сроки отрыть в песчаном грунте длинный глубокий противотанковый ров, согласно разметке. Сейчас мы вас покормим, а потом разбирайте лопаты и за дело».

Нашей столовой оказалась лесная полянка. Каждому отделению выдали большую банную шайку каши с мясом. Новоявленные саперы разлеглись звездообразно вокруг шайки и жадно заработали ложками. Ложки и кружки нам было приказано захватить из дома. Некоторые студенты сначала брезгливо морщились, но скоро голод заставил их присоединиться к общему пиршеству. Игнорировал его только студент-филолог Ваня Толстой, по-видимому, происходивший из графского рода. Однако, проголодав сутки, он подавил свою брезгливость и первым прорывался к шайке, набирал полную кружку каши и уплетал ее где-то в сторонке. Иногда над нами пролетали вражеские самолеты. При их приближении мы быстро прятались в лесу, прижимаясь к стволам сосен. К счастью, это были только разведчики, так как пулеметный огонь они по нам не открывали.

Примерно в это же время на другом конце Ленинградской области немецкие самолеты обстреляли оборонные укрепления, возводимые мирными жителями. Одним из пострадавших от этого оказался мой другой друг на всю жизнь Виталий Гольданский, будущий академик, директор Института химической физики АН СССР. Тяжелое ранение в бедро уложило его в постель примерно на три недели. Мне удалось несколько раз его навестить.

Работали мы чрезвычайно интенсивно, особенно студенты-спортсмены. И противотанковый ров быстро увеличивался и в длину, и в глубину. В редкие минуты отдыха мы собирались на лужайке и пели популярные песни: «Катюша», «Полюшко-поле», «Жил простой моряк когда-то», «На Уфу ведет Чапаев красные полки» и т.д. Несмотря на огромную физическую нагрузку, мы с Валеём Крюковым продолжали тренироваться и бегали по лесным дорожкам. Однажды я объявил своему взводу: «Ребята, кто хочет побороться

со мной, становитесь в очередь». На мой зов откликнулось человек двадцать, и с каждым из них я быстро расправлялся, через пятнадцать, тридцать секунд противник оказывался на земле, и только последнего в очереди, стокилограммового детину, я поверг на землю лишь через несколько минут (я тогда был в весовой категории до 65 кг). Среди побежденных оказался и будущий академик и директор Института химии силикатов АН СССР Миша Шульц. В мирное время он любил рассказывать об этом устроенном мною аттракционе.

Когда саперные работы были завершены, партком ЛГУ предложил всему батальону перейти в народное ополчение. Для этого было необходимо подать личное заявление, что мы и сделали, вернувшись в Ленинград. Заявления принимал в парткоме ЛГУ капитан, который внимательно их читал и регистрировал. Чтобы избежать отказа, я снял очки, которые обычно носил, подошел к его столу и начал писать свое заявление, сильно наклонившись над листком бумаги. Капитан обратил на это внимание и заявил: «С тобой, парень, дело не пойдет, так как ты стрелять не сможешь». Увидев невольно появившиеся на моих глазах слезы, он произнес: «Я знаю, что ты химик, а у меня есть разрядка подготовить для каждого батальона начальника химслужбы. Приходи завтра, я направлю тебя куда надо!». Этот эпизод спас мне жизнь, так как почти все мои друзья и товарищи по спорту и химфаку, вошедшие в ополченческий батальон, уже через пару месяцев отдали свои молодые жизни за Родину под Стрельной.

На следующий день я был направлен в Ленинградский технологический институт на секретную тогда кафедру боевых отравляющих веществ (БОВ), которой руководил профессор Б.Г. Немец. Там нас две недели обучали обращению с БОВ, их индикации и средствам защиты. По окончании этих курсов я был направлен в 102-й батальон Василеостровской дивизии Ленинградской армии народного ополчения. Нашей казармой оказалась Академия художеств, за день до этого её покинул предыдущий студенческий батальон, в который мне «посчастливилось» не попасть. Этот батальон был уже выстроен у здания Академии художеств на углу Шестой линии и Университетской набережной. Все ополченцы были в полной военной форме, но почему-то без оружия. Я провожал их вместе с большой толпой родных и соучеников, скопившихся на тротуаре. С песней батальон двинулся к грузовым автомашинам, ожидавшим их невдалеке. Спустя несколько часов они оказались в Стрельне. Больше их никто не видел, так как почти весь батальон был уничтожен огнем немецкой артиллерии и авиацией. Среди погибших оказался и мой незабвенный друг Валя Крюков. Спаслись при этом лишь несколько человек. Двое из них — А. Блек и А. Красовский, поведали мне о подробностях происшедшей трагедии.

На полу опустошенных аудиторий Академии художеств нас уже ждали матрасы, на которых еще прошлой ночью спали наши предшественники. Боевая подготовка 102-го батальона мало отличалась от обычных военных занятий студентов ЛГУ. Часть из них проводилась во дворе Академии, причем

основное внимание уделялось штыковому бою. Однако владению стрелковым оружием нас не учили, вероятно из-за отсутствия винтовок и патронов. При первом ночном сигнале воздушной тревоги я с некоторыми товарищами забрался на крышу Академии для уничтожения упавших зажигательных бомб. Однако наш район не бомбили, и мы с нескрываемым волнением и интересом наблюдали за битвой противовоздушной обороны города с авиацией противника. Небо прощупывали светящиеся иглы прожекторов, пронизывали ленты трассирующих снарядов и вспышки сигнальных ракет (среди них, кажется, были и вражеские), слышался грохот взрывов авиабомб и звуки скорострельной пальбы зенитных орудий. Все это казалось мне фантастическим столкновением цивилизаций из романа Герберта Уэлса «Война миров». Утром южные районы Ленинграда заволокли клубы белого дыма. Это горели Бадаевские склады, в которых были сосредоточены все продовольственные запасы города.

Однажды я забрел в актовый зал Академии. Он был хаотически завален многочисленными картинами, по-видимому, принадлежавшими кисти не только студентов и дипломников академии, но и зрелых мастеров живописи. Все это оставило очень тяжелое впечатление.

Вскоре пришло распоряжение о расформировании нашего батальона, как и всей Ленинградской армии Народного ополчения, и распределении ополченцев по действующим подразделениям Красной армии. Я был откомандирован в 209-й истребительный батальон войск НКВД, дислоцированный на острове Декабристов. Его казарма находилась в здании школы на углу Железноводской улицы и проспекта КИМа. Наш батальон был сформирован из студентов ЛГУ и досрочно освобожденных уголовников примерно в равном соотношении. Однако неприязнь между этими категориями солдат не проявлялась. Все они были объединены единой целью — защитить город Ленина от внутреннего и внешнего врага.

Здесь я находился уже в настоящей армейской атмосфере и соответственно был экипирован: пилотка, шапка-ушанка со звездой, кирзовые сапоги, солдатские брюки и гимнастерка, широкий солдатский ремень, а вместо шинели — венгерская теплая куртка. В качестве оружия мне, как и всем, был выдан канадский карабин и патронташ с патронами. Командир взвода научил меня армейским премудростям — как наворачивать портянки, застегивать ремень, держа пряжку в левой руке, и защищаться ночью от холода, накрываясь матрасом. Начались тяжелые военные будни. Нашему батальону пришлось охранять, а в случае надобности и защищать многие военные объекты, избавлять город от диверсантов, шпионов и вражеских информаторов, запускавших ракеты, указывающие на необходимые объекты бомбежки, следить за всеми чрезвычайными происшествиями и способствовать их ликвидации. Раз в неделю мне приходилось по ночам дежурить с оружием в командно-пропускном пункте батальона у двух телефонов, городского и полевого, связывающего меня с комбатом. При этом было очень холодно, голодно и тоскливо от бездействия, однако никогда не

появлялась мысль о том, что противник может овладеть моим родным городом.

Ленинград уже начал голодать, мерзнуть, страдать от отсутствия электричества, водоснабжения и канализации. Мне часто приходилось патрулировать вечером и ночью в отведенном мне с напарником квадрате Васильевского острова, включавшем здания Академии наук и ЛГУ, несколько научно-исследовательских институтов и академическую библиотеку. Однажды мой напарник отпросился у меня на полчаса сбегать домой неподалеку. Я в это время поднялся по высокой красивой лестнице на крыльцо у входа в Академию наук, с уважением потрогал массивную ручку закрытой тяжелой дубовой двери и подумал, что за нее в свое время держались Ломоносов, Бутлеров, Менделеев и другие выдающиеся члены Российской Академии наук. Разумеется, у меня и в мыслях не было, что я когда-нибудь в будущем, если уцелею в этом военном кошмаре, буду также входить в это здание как член Академии. Внезапно завывли сирены воздушной тревоги. Я быстро сбежал по лестнице вниз и приютился у дверей Математического института на углу Менделеевской линии и Университетской набережной. Бомбы падали где-то близко, на другом берегу Невы, и одна из них угодила в реку, недалеко от университета. Но почему-то мне не было страшно. Несколько раз я попадал под артиллерийский обстрел — фашистские снаряды разрывались очень близко от меня — но все-таки оставался невредимым.

Однажды мне захотелось навестить родителей. Получив увольнительную, я отправился пешком по трамвайным путям, по которым давно уже не было движения. Мой путь лежал на Петроградскую сторону в родной дом на углу Малой Монетной и ул. Мира. На полпути моего маршрута зазвучали сигналы воздушной тревоги, однако я уже по привычке не обратил на них внимания и продолжал свой поход под аккомпанемент скорострельной стрельбы зениток и взрывов вражеских авиабомб. На подходе к заветной цели, когда я оказался у двухэтажного деревянного дома, внезапно раздался громкий взрыв авиабомбы, угодившей в это строение и полностью его уничтожившей. Взрывной волной меня отбросило в сторону, и я потерял сознание. Прибежавшие соседи из моего дома, из окон которого от взрыва вылетели все стекла, меня узнали и сообщили моим родителям. Отец и мать с помощью соседей притащили меня домой. Я очнулся на своем родном диване и понял, что почти ослеп. Левый глаз был залит кровью, а правым я видел всё как в тумане. Страшно болела и кружилась голова. Мама поведала мне, что кто-то из медиков, осмотревших меня на улице, сказал ей: «Солдатик будет жить, но вряд ли сохранит зрение». Мой отец, занимавший тогда высокий пост в Ленинградском тресте общественного питания, который находился под аркой Главного штаба, раздобыл легковую машину «эмку» и привез военного врача, который заключил, что к военной службе я теперь совершенно не пригоден.

Туман в правом глазу постепенно рассеялся, и зрение ко мне вернулось, хотя в значительно сокращенном виде и только на правый глаз. В остальном, я быстро пришел в форму — сказала спортивная закалка. Теперь передо мной

встал вопрос, как дальше я могу служить Родине в эти ужасные дни. Справка об окончании курсов в ЛТИ по индикации БОВ у меня сохранилась. Она помогла мне войти в состав химической лаборатории штаба МПВО Ленинграда, начальником которой был инженер-капитан Ю.Н. Платонов. По иронии судьбы в 50-х годах он оказался моим коллегой в ИХС АН СССР. Здесь он разработал оригинальный метод микроанализа кремнийорганических соединений путем электростатической преципитации при сжигании в поле высокого напряжения.

В лабораторию нам привезли трофейные стеклянные ампулы странной формы неизвестного назначения. Когда одну из них мы осторожно вскрыли в вытяжном шкафу, глаза наши сразу наполнились слезами. Стало очевидно, что это сильный лакриматор — слезоточивое БОВ. Капитан Платонов поручил мне установить, что это за вещество. Перегнав его на маленькой колонке, я определил его точные константы — температуру кипения, удельный вес, коэффициент преломления — и провел несколько функциональных реакций. После этого я с уверенностью доложил начальнику, что это метил(1-бромэтил)кетон. Он, по-видимому, применялся немцами для «выкуривания» из зданий, бункеров, дзотов и дотов их защитников. Это был мой первый научный вклад в прикладную химию биологически активных веществ.

Наряду с этим, я не забыл и родной химфак ЛГУ. Там я досрочно сдал на отлично экзамен по стереохимии в заиндевавшем от холода кабинете проф. В.М. Толстопятова. Голодные экзаменатор и экзаменуемый сидели в шубах и шапках. В качестве «преддипломной» практики я участвовал в изготовлении «коктейля Молотова». Его основой являлся бензин, в который вводилась тонкостенная ампула с жидким сплавом калия и натрия. Все это помещалось в водочную или пивную бутылку, которая тщательно закупоривалась. Мне отводилась почетная роль избирательной проверки качества изготовленных таким образом зажигательных снарядов — ее я с удовольствием исполнял в недостроенном кирпичном складе во дворе химфака. Там я метал эти бутылки в стену, которую моментально обволакивало пламя горящего бензина, и воображал, что это немецкий танк. Об обстановке зимой 1941—42 гг. в блокадном Ленинграде, вымиравшем на моих глазах от голода, холода, болезней, антисанитарных условий, вражеских артиллерийских обстрелов и авиационных налетов, мне до сих пор невыносимо тяжело вспоминать и тем более ее описывать. Счастливым финалом моей военной жизни и деятельности на Ленинградском фронте явилась Дорога жизни, вырвавшая меня вместе с преподавателями и студентами химфака ЛГУ из кольца блокады. Но это уже другая история.

В заключение не могу не сказать, что самой дорогой в моей жизни наградой среди многих орденов и медалей, полученных мною в дальнейшем за научные, трудовые и другие заслуги, является медаль «За оборону Ленинграда».

Источник:

Так начиналась война // [Наука в Сибири](#). - 2010. - N 15. - С. 10–11.